

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.1.02

УДК 271.2(470.5)“1941/1945”

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.В. Печерин

Екатеринбургская духовная семинария, Екатеринбург, Россия

О СТАТЬЕ

Поступила: 26 января 2022 г.

Одобрена: 12 марта 2022 г.

Принята к публикации: 29 апреля 2022 г.

Ключевые слова:

Русская православная церковь, духовенство, Великая Отечественная война, Урал, сбор средств на оборону

АННОТАЦИЯ

К лету 1941 года все указывало на то, что Русская православная церковь доживает свои последние дни, то месяцы. Два с лишним десятилетия тотальных гонений со стороны находившихся у власти воинствующих безбожников подвели ее буквально «к последней черте». Подавляющее большинство православных храмов было закрыто, разорено, поругано, а то и вовсе снесено до основания. По некоторым данным, на всю огромную территорию от Зауралья до Тихого океана оставались лишь две действующие церкви. Не лучше обстояло дело и с представителями духовенства. Многие тысячи из них за предыдущие годы были либо расстреляны, либо отправлены в лагеря (фактически – на медленную смерть), а оставшиеся на свободе вынуждены были прекратить церковное служение...

Но внезапно наступил перелом, обозначенный точной датой – 22 июня 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, поставившая вопрос о самом дальнейшем существовании нашей страны и ее многонационального народа.

В сложившейся ситуации властям поневоле пришлось задуматься о приглушении внутренних разногласий. Борьба с религией была быстро свернута, а в конечном итоге (двумя годами позже) православной церкви и вовсе был предоставлен «режим наибольшего благоприятствования».

Духовенство в массе своей заняло патриотическую позицию с первых дней войны, забыв обо всех прошлых обидах и полностью приняв лозунг «Все для фронта, все для победы». Одни его представители достойно сражались в рядах действующей армии, другие самоотверженно трудились в тылу, а находившиеся на церковной службе (таковых вначале было очень мало, но затем их число стало неуклонно расти) повсеместно вели сбор средств в фонд обороны. И их вклад в Победу был по достоинству оценен советской властью; впервые за весь период после 1917 года священнослужители стали получать государственные награды.

В данной статье всесторонне отображена деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны в пределах «Большого Урала» (и тяготеющих к нему территорий). Наряду с обобщением материалов ранее вышедших публикаций на основе базы данных Уральского церковно-исторического общества впервые проанализирован состав духовенства, служившего в то время в ряде уральских областей, что, в частности, позволило сделать вывод о его многократном количественном сокращении и резком снижении качественного уровня по сравнению с дореволюционным периодом.

© ПНИПУ

© **Печерин Андрей Владимирович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры церковной истории и филологии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905>, e-mail: epds_arhiv@mail.ru.

© **Andrei V. Pecherin** – Candidate of Sciences in History, Researcher Department of Church History and Philology, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905>, e-mail: epds_arhiv@mail.ru.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад. 100 %.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

THE ORTHODOX CHURCH IN THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Andrei V. Pecherin

Yekaterinburg Theological Seminary, Yekaterinburg, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 26 January 2022

Accepted: 12 March 2022

Published: 29 April 2022

Keywords:

Russian Orthodox Church, clergy, Great Patriotic War, Urals, fundraising for the defense

ABSTRACT

By the summer of 1941, everything indicated that the Russian Orthodox Church was finishing its last months, if not days. Two decades and more of total persecution by the militant atheists in power had brought it literally "to its last stand". The vast majority of Orthodox churches were closed, ruined, desecrated, or even demolished to the ground. According to some reports there were only two active churches for the entire vast territory from the TransUrals to the Pacific Ocean. The situation was no better with the clergy. Many thousands of them in earlier years were either shot or sent to camps (in fact, to a slow death), and those who remained free were forced to abandon their church ministries...

But suddenly there came a turning point marked by the exact date - June 22, 1941, when the attack on the Soviet Union by Nazi Germany began the Great Patriotic War which raised the question of the very existence of our country and its multinational people.

In this situation the authorities had involuntarily to think about muting internal divisions. The fight against religion was quickly curtailed, and in the end (two years later) the Orthodox Church was given "most favored treatment"...

The clergy en masse took a patriotic stand from the early days of the war forgetting all past offenses and fully embracing the slogan "Everything for the front, everything for victory". Some of its representatives fought with dignity in the ranks of the active army, others worked selflessly on the home front and those in church service (very few of them at first, but then their number grew steadily) were everywhere collecting funds for the defense. And their contribution to the Victory was greatly appreciated by the Soviet government; for the first time since 1917 clergy received government awards...

In this article it is provided a comprehensive look at the activities of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War within the borders of the "Great Urals" (and the territories surrounding it). Along with a synthesis of materials previously published the composition of the clergy serving at that time in a number of Ural regions was analyzed for the first time on the basis of the Ural Church-Historical Society database which, in particular, allowed to conclude about its multiple quantitative reduction and a sharp decline in qualitative level in comparison with the pre-revolutionary period.

© PNRPU

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, которая принесла поистине неисчислимые беды нашему народу. Парадокс, однако, состоит в том, что для православной церкви она обернулась подлинным спасением, поскольку в противном случае, при сохранении тенденций предшествующих лет, полное закрытие в СССР всех еще оставшихся действующими храмов (кроме разве что находившихся на вновь присоединенных западных территориях) стало бы делом нескольких ближайших месяцев... Но православное духовенство оказалось далеко от того, чтобы противопоставлять себя стране и народу. В написанном в первый же день войны Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Московским и Коломенским Сергием (Страгородским) «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в частности, говорилось: «Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой; голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. <...> Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. <...> Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодуш-

ного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу. <...> Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу» [1].

В суровых условиях военного времени религиозные чувства народа резко обострились. Люди молились за победу над врагом, за своих близких, ушедших на фронт, поминали погибших.

Настоятель Иоанно-Предтеченской церкви г. Свердловска протоиерей Николай Адриановский в письме к митрополиту Сергию от 6 апреля 1942 года писал: «В первые дни войны перед нами, верующими Свердловска, возник вопрос, как Церковь должна помогать Родине, какие она должна принимать меры, чтобы помочь армии разгромить ненавистного врага. Выполняя волю Вашего Блаженства, я, как пастырь объединенной общины Свердловска, прочитал воззвание в церкви. Простые, для всех понятные слова <...> произвели <...> громадное впечатление.

Верующие поняли, что их долг – быть непосредственными участниками в защите Родины, ее независимости и веры. Что же касается содержания молитвы о даровании победы, то сообщая от себя и своих пасомых: – эту молитву мы не можем читать и слушать без слез умиления. Каждая фраза, каждое слово входят в сердце верующего... Мы должны работать, не успокаиваясь на достигнутых результатах, а если будет угодно Богу – умереть за паству или вместе с паствой. Не будем ждать какой-либо земной славы, умрем, но не дадим своей святыни на поправление псам, не дадим уничтожать храмы, убивать невинных людей. И на этот раз Господь поможет одолеть и ниспровергнуть врага» [2, с. 76].

Огромная опасность, нависшая над страной вследствие катастрофических поражений начального периода Великой Отечественной войны; необходимость всенародного единения для победы над врагом заставили власть в корне изменить внутреннюю политику. Борьба с религией была свернута. Уже в июле 1941 года перестали выходить печатные издания «Союза воинствующих безбожников», и даже сам этот союз фактически прекратил свое существование. Сошла на нет кампания по закрытию церквей. Так, если в первой половине 1941 года. Молотовский облисполком принял 32 решения о закрытии православных культовых зданий, то во втором полугодии – ни одного. Продолжавшие подаваться райисполкомами материалы по закрытию той или иной церкви при этом даже не рассматривались [3, с. 368–369]. Если официальное закрытие храмов в других областях в конце 1941–1942 году изредка происходило, то это явно продолжалось «по инерции».

Более того, стали отмечаться первые случаи возвращения ранее закрытых храмов верующим, причем руководили этим процессом (сколь бы абсурдным это ни выглядело) на первых порах те же силы, которые до этого вели против Церкви беспощадную борьбу. Так, начальник УНКВД по Кировской области капитан госбезопасности Шустин в записке от 31 октября 1941 года на имя секретаря обкома ВКП(б) Лукьянова рекомендовал открыть Серафимовскую церковь на ул. Урицкого в г. Кирове, «чем облегчится проведение профилактических мероприятий и налаживание патриотической работы среди верующих»... Вскоре в управление НКВД был вызван заштатный протоиерей Вениамин Тихоницкий (будущий архиепископ), которому сообщили о разрешении открыть Серафимовский храм. Причем сказано это было тем же сотрудником, который несколькими годами раньше арестовывал о. Вениамина, и было невозможно понять, ведут ли органы в данном случае честную игру, либо затевают провокацию [4, с. 451–452]. (Точно по такому же сценарию, только уже позже – в 1944 году – развивались события и в г. Оренбурге.) В г. Челябинске в 1941 году о. Сергия Ашихмина (находившегося к тому вре-

мени на гражданской работе) вызвали в НКВД и дали указание возобновить службы в Симеоновской церкви, а когда тот попытался, было, отказаться, пригрозили расстрелом [5, с. 58]!

В феврале 1942 года вновь распахнула свои двери для прихожан Всехвятская (Новокладбищенская) церковь в г. Молотове (Перми), закрытая за год до этого. В марте 1943 года в число действующих храмов Молотовской области вошли также молитвенный дом в г. Чусовом и церковь в дер. Заборной Краснокамского района [3, с. 369]. 2 апреля 1942 года с Великого Четверга перед Пасхой возобновились богослужения в Петропавловской церкви г. Куртамышя [6, с. 5]. До этого последняя действующая церковь на территории Курганской области (в с. Тебеньякском) была закрыта решением облисполкома от 4 апреля 1941 года [7, л. 8]. В Удмуртии в 1942 году вновь открылась церковь в с. Сям-Можга, в марте 1943-го – в с. Перевозном [8, с. 144, 408]. В Свердловской области в 1943 году, в дополнение к существовавшим, возобновилось богослужение еще в трех храмах и в двух молитвенных домах [2, с. 76]. Тогда же появилась вторая действующая церковь на территории Башкирии – Крестовоздвиженская в г. Уфе [9, с. 103; 10].

После пятилетнего перерыва на Урале стали появляться собственные архиереи. В феврале 1942 года митрополитом Сергием была сделана попытка назначить в Уфу епископа Алексия (Сергеева), правда, не увенчавшаяся успехом. Но в июле того же года на кафедру прибыл епископ Стефан (Проценко), на долю которого выпали тяжелые труды по возрождению Уфимской епархии [11].

В Свердловской области весной 1942 года появился обновленческий архиерей – архиепископ (с января 1943 года – митрополит) Филарет (Яценко), кафедральным собором которого, за неимением в областном центре обновленческих приходов, стала Троицкая кладбищенская церковь г. Ирбита. Новый архиерей попытался весьма специфическими методами расширить сферу своего влияния. Из рапорта настоятеля церкви с. Серебрянки Кушвинского района прот. Иоанна Покровского в Москву: «18 апреля [1943 г.] в Вербное Воскресенье в село Серебрянку пришел некий лжеиерей <...> Федор Ховрин, который заявил, что Блаженнейший Сергей митрополит Московский и Коломенский помер, и вместо него Филарет митрополит Свердловский и Ирбитский, чем он произвел в приходе волнение. Документов подтверждающих его сан нет. <...> Просим нашу общину поставить в известность, справедливо ли сообщение, и действительно ли Филарет православный?» [12, с. 158–159].

Из рапорта настоятеля Иннокентиевской церкви г. Красноуфимска прот. Амфилохия Горизонтова в Москву: «Перед праздником Святой Троицы [1943 года] в г. Красноуфимск прибыл гражданин Яценко Филарет Тарасович, объявивший себя митрополитом «всея Свердловской области» и <...> предложил <...> объединиться с ними (обновленцами), т.к. де митрополит Сергей, патриарший местоблюститель, уже объединился с ними. Ходенев [председатель приходского совета] попросил документы на это. Митрополит Филарет дать таковые отказался и 18 июня прислал Ходеневу распоряжение: явиться к нему на квартиру с членами причта и приходского совета для обсуждения вопроса об объединении. Получив отказ, Филарет заявил в Красноуфимский горсовет о беспорядках в храме. Власти тут же провели ревизию имущества и кассы прихода, которая ничего не дала» [12, с. 159].

Так и не добившись реальных результатов, Филарет в апреле 1944 года навсегда покинул Урал, где с тех пор больше не было ни одного правящего архиерея обновленческой ориентации [12, с. 275]. Время церковного раскола уже шло к концу...

21 июня 1943 года архиепископом Сарапульским был утвержден архиепископ Иоанн (Братолюбов). Пятью месяцами позже эта епархия прекратила свое существование в связи с переносом кафедры в столицу Удмуртии г. Ижевск, куда переехал и владыка Иоанн [13, 14].

К осени 1943 года руководители страны сочли необходимым установить нормальные отношения с Церковью. В ночь на 5 сентября 1943 года состоялась известная встреча, в которой приняли участие И.В. Сталин и В.М. Молотов с одной стороны и три православных митрополита во главе с Сергием (Страгородским) с другой. «На встрече были приняты конкретные решения о скорейшем созыве Поместного Собора и избрании Патриарха, о восстановлении духовного образования, издательской деятельности, об открытии приходов и монастырей. Для координации взаимоотношений был образован Совет по делам Русской Православной Церкви» [2, с. 76–77]. Уже 8 сентября состоялся Архиерейский собор, который избрал Патриархом митрополита Сергия (Страгородского) и при нем Священный синод [15, с. 122]. В стране началось активное возрождение церковной жизни и воссоздание церковных структур.

7 сентября 1943 года епископом Молотовским был назначен пребывавший на покое Александр (Толстопятков). Владыка занимал эту должность в течение двух лет, вплоть до своей кончины. Кафедральным собором епархии при нем стал вначале Всехсвятский храм на Егошихинском кладбище (как единственный действующий в областном центре), а с 1944 года – вновь открытый Свято-Троицкий храм на Слудке [16].

Осенью 1943 года была восстановлена и Свердловская епархия, прекратившая свою деятельность шестью годами ранее, в период Большого террора. Она охватывала территорию Свердловской и Курганской областей, кроме того, к ней были временно присоединены приходы Челябинской области. Единственная в г. Свердловске действующая церковь (кладбищенская Иоанно-Предтеченская) получила статус кафедрального собора. Первым после перерыва главой епархии стал архиепископ Варлаам (Пикалов), назначенный на кафедру 13 октября 1943 года. Правда, прослужить в Свердловске ему довелось недолго. В августе 1944 года владыка в очередной раз был арестован и два года спустя скончался в лагерях. В декабре 1944 года его преемником стал епископ Товия (Остроумов), который управлял епархией последующие 13 лет, внося значительный вклад в восстановление стабильной церковной жизни [2, с. 78, 132].

В феврале 1945 года возродилась Чкаловская (Оренбургская) епархия, управлять которой был назначен известный деятель Русской православной церкви епископ Мануил (Лемешевский) [17, с. 48].

«Потепление» в государственно-церковных отношениях стимулировало повсеместное открытие православных храмов. В целом изменение численности действующих церквей на территории Большого Урала в период Великой Отечественной войны отражено в табл. 1.

Таблица 1

Изменение численности действующих православных церквей
на Урале в годы Великой Отечественной войны

Регион	Количество действующих церковных зданий	
	минимальное (1941–42 гг.)	1945 г.
Свердловская обл.	20	30
Молотовская обл.	7	48
Удмуртская АССР	5	12
Башкирская АССР	1	23
Челябинская обл.	–	26
Чкаловская обл.	–	10
Курганская обл.	–	2

Примечание. Подсчитано по материалам базы данных Уральского церковно-исторического общества.

Открытие православных храмов на Урале и в стране продолжалось и первые годы после окончания Великой Отечественной войны.

Кто же служил в этих храмах? Информация на этот счет, содержащаяся в электронной базе данных Уральского церковно-исторического общества, в настоящее время охватывает четыре региона (Свердловскую, Челябинскую, Курганскую и Оренбургскую области), по которым сохранились, в частности, анкеты или учетные карточки служащего духовенства. Анализ этих материалов дает следующую картину по состоянию на 1945 год (табл. 2).

Таблица 2

Православное духовенство Урала в 1945 году

Параметр	Свердлов. обл.		Челябин. обл.		Курган. обл.		Чкалов. обл.		ВСЕГО	
	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%
Всего клириков	54		19		2		16		91	
По месту рождения:										
местных (своя область и соседние)	29	53,7	9	47,4	0	0	10	62,5	48	52,7
из отдаленных регионов	15	27,8	9	47,4	2	100	6	37,5	32	35,2
неизвестно откуда	10	18,5	1	5,3	0	0	0	0	11	12,1
По социальному происхождению:										
из крестьян	17	31,5	8	42,1	1	50	н/д	н/д	26*	34,7
из духовенства	23	42,6	7	36,8	1	50	н/д	н/д	31*	41,3
из рабочих	2	3,7	4	21,1	0	0	н/д	н/д	6*	8,0
прочих и неизвестного происхождения	12	22,2	0	0	0	0	н/д	н/д	12*	16,0
По образованию:										
духовное среднее	13	24,1	2	10,5	0	0	2	12,5	17	18,7
духовное начальное	17	31,5	4	21,1	1	50	4	25	26	28,6
светское среднее	5	9,3	2	10,5	0	0	2	12,5	9	9,9
светское начальное	18	33,3	11	57,9	1	50	8	50	38	41,8
неизвестно какое	1	1,9	0	0	0	0	0	0	1	1,1
По началу церковного служения:										
до революции	38	70,4	12	63,2	1	50	5	31,3	56	61,5
1918–1941	12	22,2	6	31,6	1	50	7	43,8	26	28,6
1942–1949	4	7,4	0	0	0	0	4	25,0	8	8,8
неизвестно	0	0	1	5,3	0	0	0	0	1	1,1

Примечание. * – без Чкаловской обл.

Представляет несомненный интерес изменение численности духовенства на данных территориях за советский период. К сожалению, имеющиеся данные в большинстве случаев являются почти несопоставимыми из-за того, что соответствующие подсчеты в разное время велись по разным административно-территориальным структурам. Достаточно сказать, что Челябинской и Курганской областей (и епархий) до революции вообще не существовало, а их территория в дальнейшем была составлена из частей нескольких губерний. Очень приблизительное сравнение возможно лишь по территориям дореволюционной Екатеринбургской епархии и Свердловской области в современных границах. Если к 1914 году в Екатеринбургской епархии насчитывалось 1480 клириков [18, с. 4], то в 1945-м, как мы уже знаем, таковых здесь было 54. Правда, численность служащего духовенства продолжала расти и после 1945 года, достигнув максимума в 1948–1949 годах, когда на территории Свердловской области насчитывалось примерно 64 клирика. Но даже если ориентироваться на последнюю цифру, то все равно по сравнению с дореволюционным периодом сокращение составило более 95 %. Отметим, что далеко не последней причиной столь резкого уменьшения численности являлись ре-

прессии. Так, только в период Большого террора 1937–1938 годов на территории Свердловской области (в нынешних границах) было осуждено не менее 151 клирика, из которых расстреляно не менее 90 [19, с. 87], а большинство остальных, по-видимому, умерло в заключении, не дожив до освобождения, поскольку на церковную службу (по крайней мере в пределах Свердловской области) в итоге вернулось лишь около 10 из них.

Если в 1912 году средний возраст уральских священников составлял 43 года, а к концу двадцатых годов (по выборке, сделанной на основании списков лишенных избирательных прав) – 51 год [19, с. 127], то к 1945 году средний возраст клириков увеличился до 58 лет, а к 1949 году уже превысил 60 лет (при минимуме в 59 по Челябинской области и максимуме в 63 по Курганской). Продолжаться так далее, конечно, не могло; уже в ближайшие годы надо было ожидать существенных изменений (которые, как известно, фактически и начались: местных уроженцев, чем дальше, тем больше, стали сменять выходцы из западных регионов СССР и – в меньшей степени – репатрианты из Маньчжурии).

Не лучшим было и положение дел с образовательным уровнем духовенства. Если в 1912 году в Екатеринбургской епархии число клириков с духовным образованием не ниже полного среднего (семинария) составляло 25,4 %, а с полным или неполным начальным (духовное училище, псаломщическая школа) – 53,5 % [20, л. 142 об.–143], то к 1945 году тех и других оказалось 18,7 и 28,6 % соответственно, а основным видом образования (41,8%) стало светское начальное – в виде церковно-приходской школы, народного училища и т.п. Отметим, что это произошло, несмотря на то, что доля традиционно более образованных протоиереев и священников за тот же период резко увеличилась – с 45,9 % [20, л. 142 об.–143] до 85,2 %, а штатные псаломщики при этом почти исчезли (в 1945 году на территории Свердловской области их было лишь четверо, все – из числа второбрачных, по церковным канонам, не имевших права на более высокую должность).

Таким образом, в целом, по сравнению с дореволюционным периодом, численность духовного сословия катастрофически сократилась, при одновременном резком «проседании» его качественного уровня.

Не менее 36 священноцерковнослужителей (около 40%) прошли через лагеря и ссылки, причем к концу сороковых годов соответствующий показатель увеличился до 48 % – за счет того, что на церковную службу стали возвращаться люди, освобожденные из заключения в 1947–1948 годах, после отбытия 10-летних сроков, на которые они были осуждены в период Большого террора. Подавляющее большинство тех, кто избежал репрессий, в разгар антицерковной кампании было вынуждено уйти на гражданскую работу. Из 91 представителя уральского духовенства лишь семь не прерывали своей церковной службы в двадцатых-сороковых годах: шесть обновленцев (Василий Богачев, Федор Бубнов, Иван Зырянов, Виктор Кушкин, Дмитрий Фесвитянинов, Андрей Чечулин) и один «сергиевец» – Василий Птицын. Все они служили на территории Свердловской области, поскольку там к началу Великой Отечественной войны еще оставались действующие церкви.

Вообще, доля бывших обновленцев среди духовенства Свердловской области в 1945 году (когда обновленческий раскол здесь был ликвидирован, не без вмешательства советской власти, поступившей по принципу «я тебя породила, я тебя и убью») была довольно заметной. Таковых клириков здесь насчитывалось 17 (31,5 % от общего числа); еще по одному имелось в Челябинской и Курганской областях. Были и бывшие приверженцы григорианского раскола, но по ним сколько-нибудь полная информация отсутствует.

Следует особо отметить, что из 91 клирика 62 (68 %) к началу войны уже имели непризывной возраст, а прошли через действующую армию к 1945 году четверо (при этом, правда,

по девяти представителям духовенства соответствующие данные просто отсутствуют). К концу сороковых годов в результате демобилизации число участников войны среди священноцерковнослужителей увеличилось до 13, иные бывшие фронтовики поступали на церковную службу и позднее.

Среди духовенства Свердловской епархии воевали:

– «протоиерей Михаил Иванович Кукарин. Будучи священником, он был призван в январе 1942 года. Воевал в составе рабочего батальона на Ленинградском фронте. Четырежды ранен. В ноябре 1944 года демобилизован;

– протоиерей Константин Андреевич Чечулин. Находился на фронте с 1941 по 1945 гг., был награжден медалями “За боевые заслуги”, “За победу над Германией”, “За победу над Японией”;

– протоиерей Семен Федорович Белов. Будучи священником и находясь в местах лишения свободы, изъявил желание сражаться за родину. Находился на фронте с 1942 по 1944 гг., получил медаль “За победу над Германией”;

– протоиерей Алексей Петрович Костромин. С 1941 по 1945 гг. находился на фронте, был ранен. Награжден медалью “За победу над Германией”;

– протодиакон Александр Павлович Соколов. С 1941 по 1945 гг. находился на фронте» [21, с. 11].

Помимо них, из епархиального духовенства воевали также диакон Михаил Самуилович Арчажников, диакон Александр Павлович Казаков [22].

Из клириков Молотовской (Пермской) епархии принимали участие в боевых действиях священник Иоанн Смердов, диаконы Арсений Пантелеймонов и Василий Балдин, заштатные псаломщики Николай Абашев, Иоанн Осипов и Николай Щелканов. Помимо них, были те, кто поступил на церковную службу уже после возвращения с войны: протоиереи Борис Бартов и Валентин Другов, священник Владимир Жохов (награжденный орденом Великой Отечественной войны I степени и многими медалями), схимонах Кукша (Букирев), диакон Иоанн Попов. До 75-летия Победы дожила схимонахиня Анна (Нарыгина), которая служила в авиации, была замужем, а после кончины супруга стала насельницей Пермского Успенского женского монастыря [23, с. 3, 22, 47, 52, 70; 16].

О своем участии в Великой Отечественной войне указывали в своих послевоенных анкетах семеро православных священников Ижевской епархии. Трое из них ушли на фронт, уже будучи священниками. Иерей из Воткинска И.И. Баландин воевал с июля 1941 года. Стал лейтенантом, был удостоен ордена Красного Знамени и четырех медалей, а после демобилизации вернулся на церковную службу. Дважды репрессированный за веру Ф. Е. Красильников воевал пулеметчиком на Первом Белорусском фронте. Можгинский священник П.М. Коновалов воевал еще на Первой мировой, а в Великой Отечественной участвовал с марта 1942 года и до самой Победы, имел звание старшего сержанта [24, с. 68].

В Челябинской епархии служили участники Великой Отечественной войны: протоиерей Александр Рягузов, священники Арсений Головин, Никита Елизарьев, Николай Катаевский, Вячеслав Островидов, Иоанн Шахов, протодиакон Иаков Степанец, иеродиакон Николай Бобровников, диакона Иоанн Когут, Василий Иванов, Макарий Татарников; в Уфимской епархии – протоиерей Николай Бурдуков, иеромонах Иоасаф (Миронов), священники Андрей Евстифеев, Михаил Нилов; в Оренбургской епархии – священники Вениамин Ионов, Александр Ромашов, Виктор Утехин [25; 26, с. 38; 11; 22].

Немало представителей духовенства в годы Великой Отечественной войны достойно проявили себя на трудовом фронте. Назовем лишь некоторых из них.

Сергей Николаевич Лопатин, служивший диаконом в Камышловe, после закрытия храма был вынужден уйти на гражданскую работу. Все годы войны находился в должности старшего инженера-диспетчера на предприятиях Наркомата танковой промышленности. За свой труд был награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [21, с. 10–11].

Священник Алексей Иванович Малиновский хотя и был репрессирован (за неосторожно сказанное слово), но не во время Большого террора, а еще в 1935 году, поэтому получил «всего лишь» пять лет лагерей, а так как был относительно молодым и здоровым, то дожил до освобождения. После этого еще семь лет провел на Колыме (не имея возможности оттуда выбраться), работал в системе «Дальстроя» НКВД в должностях начальника части нормирования, старшего экономиста, инженера-экономиста по труду и др., получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [2, с. 151; 22].

Стоит отметить, что среди клириков встречались и те, кто был удостоен этой награды именно в период пребывания на церковной службе (что по понятиям двадцатых-тридцатых годов было совершенно немыслимым). В частности, в Свердловской епархии ими являлись: епископ Товия (Остроумов), протоиереи Николай Адриановский и Дмитрий Фесвитянинов; в Удмуртии – 9 священнослужителей (тоже во главе с архиереем) [2, с. 80; 24, с. 67–68].

Еще один епископ Свердловский – Флавиан в период Великой Отечественной войны находился на оккупированной территории. В 1966 году встал вопрос о награждении его юбилейной медалью «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В ответ на сделанные властями запросы были получены подтверждения патриотической деятельности владыки (а тогда еще священника Феодора Дмитриюка) в военные годы, согласно которым он «в период с 1940 по 1944 год действительно проживал с семьей в деревне Черевачицы Батченского сельсовета Кобринского района Брестской области. <...> Во время немецкой оккупации нашей местности лично Дмитрук¹ Федор Игнатьевич и его семья поддерживали активную связь с подпольным Комитетом по борьбе с фашизмом. Дмитрук Ф. И. действительно у себя в доме держал раненого партизана, часто хранилось оружие партизан, устраивались явки активистов. Члены семьи Дмитрука Ф.И., дочь Тамара Федоровна, бывшая учительница средней школы, оказывала активную помощь раненым партизанам и активу. Неоднократно выполняла поручения подпольного комитета честно и добросовестно. Вторая дочь Раиса Федоровна была связной подпольного комитета, добросовестно выполняла все задания подпольного комитета. Во время карательных операций гитлеровцев в деревне Черевачицы в числе многих жителей, замученных захватчиками, погибла жена Ф.И. Дмитрука Мария Ивановна и его родственница. А также была тяжело ранена его дочь Раиса, которую в сложной обстановке спасли активисты Марчук Надежда Емельяновна и Бурак Федор».

В итоге владыка Флавиан был награжден медалью в честь 20-летия Победы «за активную помощь членам подпольного комитета по борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.» [27, с. 14–15].

Основным вкладом православного духовенства в победу над врагом стал сбор денежных средств на оборону страны. «Остро нуждаясь в материальных ресурсах, Советское государство с самого начала боевых действий проявило заинтересованность в получении дополнительных средств со стороны религиозных организаций» [28, с. 124], несмотря на то, что благотворительная деятельность последних являлась незаконной. «По просьбе Патриаршего Местоблюстителя Сталин еще в начале 1943 года разрешил Церкви открыть счет в Государственном

¹ Здесь и далее в цитированном документе фамилия указана не вполне точно.

банке для сбора пожертвований в фонд обороны, тем самым фактически вернув ей статус юридического лица» [29, с. 60], который она не имела с 1918 года.

«С 1941 г. по 1944 г. церковные общины Свердловской области перечислили на патриотические цели 4 853 тыс. руб. Наиболее отличились общины: Иоанно-Предтеченская г. Свердловска – 2 225 621 руб.; Казанская г. Нижнего Тагила – 461 974 руб.; Иннокентьевская г. Красноуфимска – 338 715 руб.; Всехсвятская г. Свердловска – 334 700 руб. Из своих личных сбережений внесли: протоиерей Николай Адриановский – 364 720 руб.; протоиерей Илья Наумов – 103 280 руб.; протоиерей Анатолий Стахив – 53 300 руб. В 1945 г. собрано еще 6 412 тыс. руб.» [21, с. 10–11]. Отметим, что и представители канонической церкви, и «обновленцы» в данном случае действовали вполне единодушно.

«Общее количество денежных средств, внесенных Свердловской епархией на государственные счета в 1941–1946 гг. составило 15 579 тыс. руб.» [21, с. 11].

«С 1942 по 1944 гг. духовенство и прихожане храмов Молотовской области оказали помощь государству на сумму в 4 476 004 рубля. Самые крупные суммы были перечислены на текущие счета в Госбанке: в Фонд обороны – 1 700 688 руб., в помощь семьям и детям фронтовиков – 53 536 руб., на подарки военнослужащим Красной армии – 920 250 руб. На подписку и выкуп военных займов поступило 1 801 530 рублей. <...> По самым скромным подсчетам, за годы Великой Отечественной войны духовенство и верующие Молотовской епархии пожертвовали на нужды обороны свыше 6 млн рублей» [28, с. 127].

Православные христиане Удмуртии во время войны перечислили в Фонд обороны 4100 тыс. руб. наличными и 825 тыс. руб. облигациями Госзайма. Кроме того, в республике было собрано значительное количество теплого белья, продуктов и других вещей [24, с. 66].

29 декабря 1942 года священник Успенской церкви г. Ижевска Владимир Стефанов отправил Сталину письмо следующего содержания: «Я, как пастырь духовный, скорблю душою за наших братьев и сестер, подпавших во временно оккупированных областях под иго фашистов и подвергающихся неслыханным злодеяниям, мучениям, творимым над ними немецкими фашистами. Желая помочь Красной Армии быстрее разгромить врага, очистить нашу священную русскую землю от фашистской нечисти, я внес 28 декабря 1942 г. в кассу Государственного банка наличными деньгами все свои личные сбережения в сумме 273 тысячи руб. Прошу Вас, Иосиф Виссарионович, на эти деньги построить два боевых самолета, присвоив им имена наших героев-предков “Александр Невский” и “Дмитрий Донской”, и да пусть эти грозные машины покарают виновников человеческих несчастий – гитлеровских иезуитов» [24, с. 67]. Всего же за всю войну о. Владимир Стефанов внес на нужды обороны 569 500 руб., что стало наибольшим вкладом личных средств среди не только духовенства, но и всех остальных граждан Удмуртской АССР. Помимо советской медали, священник получил за это благодарственную телеграмму Сталина, опубликованную в «Удмуртской правде» [24, с. 67].

В письме уполномоченного по Башкирской АССР Козлова председателю Совета по делам Русской православной церкви от 17 июля 1944 года сообщалось: «По Уфимской епархии Русской Православной Церкви по двум церквям и двум молитвенным домам за период с 22 июня 1941 г. по 1 июля 1944 г. патриотическая деятельность в материальном отношении была следующей: 1) собрано духовенством и верующими на цели обороны: деньгами – 442 048 руб.; 2) собрано духовенством и верующими на подарки и Советскую Армию: деньгами 286 200 руб., продуктами и вещами – 630 руб.; 3) собрано духовенством и верующими больным и раненым в госпитале: деньгами – 10 000 руб., различными предметами – 50 руб.;

4) собрано духовенством и верующими на помощь семьям воинов Советской Армии: деньгами 54 500 руб. Итого: деньгами – 792 748 руб., натурой – на сумму 680 руб.» [9, с. 104].

На территории Оренбургской области к началу войны действующих храмов не оставалось, и повторное их открытие началось только в мае 1944 года. Но и там духовенство не осталось в стороне от общенародного дела. В датированном 13 января 1945 года рапорте протоиерея А. Архангельского отмечены следующие факты: «Иеромонах Адам Свистунов, настоятель Никольского собора и священник того же собора Георгий Тучин сдали в Фонд обороны страны – 45 тыс. руб., и 40 тыс. руб. – для детей бойцов Красной Армии. Настоятель Покровской церкви села Студенцы Гавриловского района, священник Георгий Хлуденев собрал за семь месяцев 2315 руб.; на Рождество <...> отправил из храма раненым солдатам – 77 кг. муки, 32 кг. пшена, 14 кг. мяса, 290 руб. Настоятель Воскресенского молитвенного дома г. Абдулино, священник Сергей Нагочевский отправил в Фонд Обороны 70 тыс. руб. О настоятеле Покровской церкви с. Верхняя Платовка Покровского района, священнике Степане Михайловиче Акашеве в документе сказано следующими словами: «Горячий, искренний патриот, который пользуется любовью и глубоким уважением приходом и местных работников гражданской власти; он организовал несколько раз сборы масла, яйца, творогу, хлеба для раненных воинов. Собрал денежных средств – 38 325 руб., личных средств – 16 400 руб.» [30, с. 354]. «Также помогали фронту священники, которые служили частным образом по домам – Леонид Смирнов, Виктор Попов (Сорочинский район), Колесников (Краснохолм), Александр Михайлов» [30, с. 354].

Прихожане Симеоновского храма г. Челябинска за годы войны «собрали в общей сложности 696 тыс. руб. в Фонд обороны, приобрели облигаций различных займов более чем на 100 тысяч, сдали серебра в изделиях 6500 граммов, золота 269 граммов. Настоятель церкви протоиерей Сергей Ашихмин за свою патриотическую проповедническую и организаторскую деятельность получил две благодарности лично от Сталина» [25].

Некоторые современные авторы отмечают, что реальный уровень благосостояния многих служителей церкви в то время на самом деле был крайне низким, а астрономические суммы денежных пожертвований складывались из взносов всех прихожан. При этом выдвигается предположение о том, что «публичная демонстрация высокого уровня доходов священнослужителей могла быть косвенным образом направлена на дискредитацию духовенства в глазах населения, жившего на грани нищеты и голода, и служила способом скрытой антирелигиозной пропаганды» [28, с. 127]. Впрочем, подобные высказывания должны быть признаны дискуссионными...

Нижнетагильский протоиерей Николай Лопатин в своем докладе правящему архиерею о церковной жизни за 1946 год писал: «Люди, пережившие ужасы войны на фронте в большинстве своем изжили то предубеждение к вере и церкви, которое было так свойственно молодежи. Они убедились, что церковь не только не враг народа, а его печальница и сердобольная мать... Об этом говорит и значительная посещаемость нашего храма мужской молодежью. <...> Еще более реальный и уже массовый сдвиг в душевной жизни женской. <...> Вообще, сердце народное ожило» [31, л. 8–8 об.].

В целом можно сказать, что Русская православная церковь вышла из войны неизмеримо более сильной, чем была до ее начала, а планы воинствующих безбожников по ее полной ликвидации если не исчезли совсем, то по крайней мере оказались «отложены в долгий ящик». В ее жизни (как и в жизни страны в целом) начался новый период.

Список литературы

1. Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Московского и Коломенского Сергия от 22 июня 1941 года [Электронный ресурс] // Православие.Ru. – URL: <https://pravoslavie.ru/35145.html> (дата обращения: 24.12.2021).
2. Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
3. Федотова И.Ю. Государственная политика по закрытию и открытию церквей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.); Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2010.
4. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007.). – Вятка. 2007.
5. Храм святого Симеона. – Челябинск. 2008.
6. Федченко М.Н. Русская Православная Церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.). – Курган, 2006.
7. Постановление Челябинского облисполкома о закрытии церкви в с. Тебенякском // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4475.
8. Шумилов Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века. – Ижевск, 2001.
9. Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2006. – С. 103.
10. Стефан (Проценко) [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Стефан_\(Проценко\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Стефан_(Проценко)) (дата обращения: 24.12.2021).
11. Сергеев В., прот. Судьбы святых и подвижников Уфимской епархии в период 1940–1950-х годов [Электронный ресурс]. – URL: http://чудотворный-образ.рф/?page_id=1582 (дата обращения: 24.12.2021).
12. Лавринов В., прот. Очерки истории обновленческого раскола на Урале. – М., 2007.
13. Иоанн (Братолюбов) [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_\(Братолюбов\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_(Братолюбов)) (дата обращения: 24.12.2021).
14. Сарапульская епархия [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сарапульская_епархия (дата обращения: 24.12.2021).
15. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви, 1917–1990. – М., 1994.
16. Троицкая О. Пермская епархия в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Пермская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: <https://www.prav-perm.ru/2020/05/04/permskaya-eparhiya-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения: 24.12.2021).
17. Эволюция государственно-церковных отношений на территории Оренбургской (Чкаловской) епархии в 1943–1958 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской православной церкви. – 2012. – Вып. 2 (45).
18. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. – Екатеринбург, 1915.
19. Печерин А.В. Социокультурный портрет приходского духовенства православной церкви на Урале: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2019.
20. Отчет Екатеринбургской епархии за 1912 год // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 448. Д. 2516.

21. Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия и ее вклад в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Православная газета. – Екатеринбург, 2005. № 16, апрель. – С. 10–11.
22. Челябинский Синодик. 1917–2012. Духовенство и церковные деятели / сост. А.Г. Щегольков, А.В. Косарев. – Челябинск, 2013.
23. Агафонов П. Духовенство Пермской епархии в 1928–1965 гг. – Пермь, 1997.
24. Шумилов Е.Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996.
25. Никифорова О. С нами Бог и Димитрий Донской [Электронный ресурс] // БЕЗФОРМАТА. – URL: <https://chelyabinsk.bezformata.com/listnews/nami-bog-i-dimitrij-donskoj/28466953/> (дата обращения: 24.12.2021).
26. Где Церковь, там и Дух Божий. Очерки православной жизни Южного Урала 1918–2018 гг. (Живые страницы истории). – Челябинск. 2018.
27. Тихон (Затекин), игум. Преосвященный Флавиан, епископ Свердловский и Курганский // Православная газета. – Екатеринбург, 2003, № 28, июль.
28. Марченко А.Н., Марченко Н.А. Патриотическая деятельность православного духовенства Прикамья в годы Великой Отечественной войны по материалам телеграмм И.В. Сталина // Вестник Пермского университета. История. – 2016. – Вып. 2 (33). – С. 123–128.
29. Зеленова О.В. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8, № 3.
30. Мишучков А.А., Мишучкова А.В. Вклад Оренбургской епархии Русской Православной Церкви в победу в Великой Отечественной войне и преемственность созидательных традиций в рамках решений епархиального съезда духовенства и мирян Чкаловской епархии 1947 г. // Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе: материалы IX всерос. науч.-практ. конф., посвященной 1150-летию славянской письменности и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург, 2013.
31. Справка о состоянии религиозного движения верующих православной русской церкви Свердловской области (по материалам 1944–1946 гг.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 203.

References

1. Poslanie pastyriam i pasomym Khristovoi Pravoslavnoi Tserkvi Mestobliustitelia Patriarshego Prestola mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo Sergiia ot 22 iunია 1941 goda [Message to the pastors and flocks of the Orthodox Church of Christ of the Locum Tenens of the Patriarchal Throne, Metropolitan Sergius of Moscow and Kolomna, June 22, 1941]. *Pravoslavie.Ru*, available at: <https://pravoslavie.ru/35145.html> (accessed 24 December 2021).
2. Lavrinov V. Ekaterinburgskaia eparkhiia. Sobytiia. Liudi. Khramy [Yekaterinburg diocese. Developments. People. Temples]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001.
3. Fedotova I.Iu. Gosudarstvennaia politika po zakrytiiu i otkrytiiu tserkvei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Molotovskoi oblasti) [State policy on closing and opening churches during the Great Patriotic War (on the materials of the Molotov region)]. *Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriia i sovremennost'. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Ekaterinburg, 18–20 aprelia 2010 g. Ekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 2010.
4. Ocherki istorii Viatskoi eparkhii. (1657-2007.) [Essays on the history of the Vyatka diocese. (1657-2007.)]. Viatka, 2007.
5. Khram sviatogo Simeona [Church of St. Simeon]. Cheliabinsk, 2008.
6. Fedchenko M. N. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na territorii Kurganskoi oblasti (1943 – nachalo 2000-kh gg.) [Russian Orthodox Church on the territory of the Kurgan region (1943 - early 2000s)]. Kurgan, 2006.
7. Postanovlenie Cheliabinskogo oblispolkoma o zakrytii tserkvi v s. Tebeniakskom [Decree of the Chelyabinsk Regional Executive Committee on the closure of the church in the village. Tebenyasky]. *Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti*, f. r-274, op. 3, d. 4475.
8. Shumilov E.F. Khristianstvo v Udmurtii. Tsivilizatsionnye protsessy i khristianskoe iskusstvo. XVI – nachalo KhKh veka [Christianity in Udmurtia. Civilization processes and Christian art. XVI - beginning of the XX century]. Izhevsk, 2001.
9. Abdulov N.T. Ufimskaia eparkhiia v sisteme gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii. 1917–1991 gg. [Ufa diocese in the system of state-church relations. 1917–1991]. Ph. D. thesis. Ufa, 2006, 103 p.
10. Stefan (Protsenko) [Stefan (Protsenko)]. *Wikipedia*, available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Stefan_\(Protsenko\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Stefan_(Protsenko)) (accessed 24 December 2021).
11. Sergeev V. Sud'by sviatyn' i podvizhnikov Ufimskoi eparkhii v period 1940-50-kh godov [The fate of shrines and ascetics of the Ufa diocese in the period of 1940-50s], available at: http://chudotvornyi-obraz.rf/?page_id=1582 (accessed 24 December 2021).

12. Lavrinov V. Ocherki istorii obnovlencheskogo raskola na Urale [Essays on the history of the renovatist split in the Urals]. Moscow, 2007.
13. Ioann (Bratoliubov) [John (Bratolyubov)], *Wikipedia*, available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ioann_\(Bratoliubov\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ioann_(Bratoliubov)) (accessed 24 December 2021).
14. Sarapul'skaia eparkhiia [Sarapul diocese], *Wikipedia*, available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Sarapul'skaia_eparkhiia (accessed 24 December 2021).
15. Tsypin V. *Istoria Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 1917–1990* [History of the Russian Orthodox Church, 1917–1990]. Moscow, 1994.
16. Troitskaia O. Permskaia eparkhiia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Perm diocese during the Great Patriotic War]. *Permskaia mitropoliia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, available at: <https://www.pravperm.ru/2020/05/04/permskaya-eparhiya-v-gody-velikoj-otechestvennoj-voiny/> (accessed 24 December 2021).
17. Evoliutsiia gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii na territorii Orenburgskoi (Chkalovskoi) eparkhii v 1943–1958 gg. [The evolution of state-church relations on the territory of the Orenburg (Chkalov) diocese in 1943–1958] *St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*, 2012, iss. 2 (45).
18. Spravochnaia knizhka Ekaterinburgskoi eparkhii na 1915 g. [Reference book of the Yekaterinburg diocese for 1915]. Ekaterinburg, 1915.
19. Pecherin A. V. Sotsiokul'turnyi portret prikhodskogo dukhovenstva pravoslavnoi tserkvi na Urale [Sociocultural portrait of the parish clergy of the Orthodox Church in the Urals]. Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 2019.
20. Otchet Ekaterinburgskoi eparkhii za 1912 g. [Report of the Yekaterinburg diocese for 1912]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv*, f. 796, op. 448, d. 2516.
21. Lavrinov V. Ekaterinburgskaia eparkhiia i ee vklad v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. [Yekaterinburg diocese and its contribution to the Great Patriotic War 1941–1945]. *Pravoslavnaia Gazeta*. Ekaterinburg, 2005, no. 16, april', pp. 10–11.
22. Cheliabinskii Senodik. 1917–2012. Dukhovenstvo i tserkovnye deiateli [Chelyabinsk Senodik. 1917–2012. Clergy and church leaders]. Eds. A.G. Shchegol'kov, A.V. Kosarev. Cheliabinsk, 2013.
23. Agafonov P. Dukhovenstvo Permskoi eparkhii v 1928–1965 gg. [Clergy of the Perm diocese in 1928–1965]. Perm', 1997.
24. Shumilov E. F. Pravoslavnaia Udmurtiia. Istoriia Izhevskoi i Udmurtskoi eparkhii. XX vek [Orthodox Udmurtia. History of the Izhevsk and Udmurt diocese. XX century]. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 1996.
25. Nikiforova O. S nami Bog i Dimitrii Donskoi [God and Dimitry Donskoy are with us]. *BezFormata*, available at: <https://chelyabinsk.bezformata.com/listnews/nami-bog-i-dimitrij-donskoj/28466953/> (accessed 24 December 2021).
26. Gde Tserkov', tam i Dukh Bozhii. Ocherki pravoslavnoi zhizni luzhnogo Urala 1918–2018 gg. (Zhivye stranitsy istorii) [Where the Church is, there is the Spirit of God. Essays on Orthodox Life in the Southern Urals in 1918–2018 (Live pages of history)]. Cheliabinsk, 2018.
27. Tikhon (Zatekin). Preosviashchennyi Flavian, episkop Sverdlovskii i Kurganskii [His Grace Flavian, Bishop of Sverdlovsk and Kurgan]. *Pravoslavnaia Gazeta*. Ekaterinburg, 2003, no. 28, iul'.
28. Marchenko A.N., Marchenko N.A. Patrioticheskaia deiatel'nost' pravoslavnogo dukhovenstva Prikam'ia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny po materialam telegramm I.V. Stalinu [Patriotic activity of the Orthodox clergy of the Kama region during the Great Patriotic War based on the materials of telegrams to I.V. Stalin]. *Perm University Herald. History*, 2016, iss. 2 (33).
29. Zelenova O. V. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2015, vol. 8, no. 3. Pp. 123–128.
30. Mishuchkov A.A., Mishuchkova A.V. Vklad Orenburgskoi eparkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine i preemstvennost' sozidatel'nykh traditsii v ramkakh reshenii eparkhial'nogo s"ezda dukhovenstva i mirian Chkalovskoi eparkhii 1947 g. [The contribution of the Orenburg diocese of the Russian Orthodox Church to the victory in the Great Patriotic War and the continuity of creative traditions within the framework of the decisions of the diocesan congress of the clergy and laity of the Chkalov diocese in 1947]. *Pravoslavie i kul'tura slavian v luzhno-Ural'skom regione: Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, posviashchennoi 1150-letiiu slavianskoi pis'mennosti i Dniu slavianskoi pis'mennosti i kul'tury v Orenburzh'e*. Orenburg, 2013.
31. Spravka o sostoianii religioznogo dvizheniia veruiushchikh pravoslavnoi russkoi tserkvi Sverdlovskoi oblasti (po materialam 1944–1946 gg.) [Information on the state of the religious movement of believers in the Russian Orthodox Church in the Sverdlovsk region (based on materials from 1944–1946)]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*, r-6991, op. 1, d. 203.